

РЦЫ: ВНУТРИ

2007

ББК (2Р=Рус) 6-5
УДК 821.161.1-1
Р92

**Павел Настин, Ирина Максимова, Евгений Паламарчук,
Юлия Тишковская. РЦЫ: ВНУТРИ. – Калининград, 2007.**
– 124 с.

Павел Настин, Ирина Максимова, Евгений Паламарчук,
Юлия Тишковская – участники арт-группы «РЦЫ»,
образованной в феврале 2003 г. в Калининграде.

ISBN 5-93682-336-9

ББК (2Р=Рус) 6-5

Павел Настин

peter und volk // петя и волк

где польша

я еду по направлению к госгранице
по своим рабочим делам
в голове вертится один такой отрывок

*хохол и хачик подкрашивают стареющую столицу
в которой время теряет способность длиться
новые белые люди держат в руках синицу
но она задохнется поскольку птица*

машина скользит на шоссе зима
по обочинам спиленные деревья
они состарились
они могут упасть
в сильный ветер
могут перегородить дорогу
может случится беда
быть человеческие жертвы
их разрезали поперек зимой
они стояли черные черные
без листвы голые спали вместе
обнявшись вместе
в ряд стояли раздетые
только ворс у них синего мха на торсах
их спилили во сне
они продолжают спать
головами в кюветах

однажды двадцать пять лет назад
мама захотела увидеть город своего детства
и отчим отвез нас туда на своей красной ладе

я стоял у самой границы
у памятника князю багратиону
смотрел на чугунные пушки времен
мама!.. мама!.. где польша?
там!.. она махнула рукой
там были какие-то кусты
какие-то холмы
нет какие-то буераки бугры
была какая-то местность
непреодолимая частность
не может быть чтобы там была польша
наверное настоящая польша
дальше чем мой взгляд
далеко далеко
мама где гдыня?
там!..
кусты забор проволока
я расстроен
мне ничего не видно
такая клетка
из которой даже ничего не видно

в этот раз у шлагбаума
меня опять приняли за поляка
пан! пан!
а я не поляк
я русский

на обратном пути
я видел на вершине дерева у дороги
большую бурую хищную птицу
мне показалось
у нее *человеческое* лицо

77

Во рту как в Датском королевстве очень стыдно

как утром перед самым детским садом
где неизбежны Валька переросток
и халатная воспитательница
где я
шерстяной комок в детской варежке
и бог
катает меня
между большим и указательным пальцем
хочет меня оформить
как-нибудь сотворить

а я маленький важный
прогуливаюсь перед верандой
и говорю Тамаре Клавдиевне
знаете Тамара Клавдиевна
в Иране политический кризис
неужели?
откуда ты знаешь?
смотрел телевизор
надо же какой способный мальчик
в четыре года знает
слово политический
слово кризис

Тамара Клавдиевна вы не поверите
здесь все та же слякотная зима семьдесят седьмого
в Иране до сих пор политический кризис

и цеппелины «Розенкранц» и «Гильденстерн»
в аэропорт Девау не придут.

сладкий виноград без косточек

сладкий виноград без косточек
оказывается
в последнее время
ты тоже много думаешь о том
что нам нечего будет сказать
на страшном суде
в баре черного аиста
на одну рюмку
белого аиста на вторую
какую ты пьешь?
а я?
я все видел
в окно автобуса
моя бабушка
шла вприпрыжку
по улице александра невского
оживленно разговаривала с собой
восемьдесят пять
мысли преодолевают
и я не жалею
слышишь
я стараюсь
слышишь
чтобы тембр голоса моего
был ближе
к тембру
голоса твоего

самолеты

Но поскольку сказавший в сказанном исчезает,
мы с тобой – самолеты без двигателей,
идем над Среднерусской равниной
и дальше, дальше на юг.

Видишь, под нами:
Тула, Коба, Чечен-ица –
забытые города мая.

СЛОВА

маленький человек не болеет
просто немного простыл
маленький человек не сходит с ума
у него болит голова
маленький человек говорит
я связываю слова в слова
смысла в этом почти никакого нет
не прибежище это
не шкаф не тьма
никакой не свет
это только слова слова
не схожу с ума
просто кружится голова

еще маленький человек знает
что есть сердце печень желудок мозг
он ничем не может себе помочь
но он болеет за нашу команду
и делает это каждую ночь

карболка

место жительства лица
без определенного места жительства
определяется в момент смерти
и городские санитарные власти
старательно помечают его
карболовой кислотой
запах которой еще полгода
будет стоять в подъезде
впитываясь в стены
коврики для ног
обивку дверей
верхнюю одежду
недовольных обитателей
многоквартирного дома

*под внешний шорох тающего снега
покинутое человеком тело
плывет над лестницей
пролет еще пролет
несомо а точнее невесомо
и перевозка у подъезда ждет*

**тоже своего рода
стихи о русской поэзии**

ветхая рыбина русской поэзии легла на дно
рыболовы образумились и ни шагу на тонкий лед
фанайлова осталась одна
разговаривать с рыбой сквозь
границу раздела фаз
рыба мечет икру
возможно в последний раз

фанайлова повышает голос
рыба не реагирует
она утонула
она глухая

красный канал

*летчики балтики как правильно их продолжить
святитель игнорий и пустые от летчиков балтики
не знаю святые знают летчики балтики знают
а я не знаю я плохо тебе пою я нелегально перелетаю
с камня на камень по воздуху между камнями*

уже давно но все же несколько напряженно но ничего лишнего
события желтый фильтр красный канал домашний телефон
сорок девятая школа черное небо люфт подозрительные облака
майские хрущи кодовый замок аир болотный
желтый фильтр теплый бетон красный канал
если вспомним проверим завтра этот относительный бетон
красный канал вдоль троллейбусных до следующей остановки
твои ноль тридцать три держи свой набережный алюминий
если бы не память но если бы не она но если бы не память
если бы не она

*ходи как другие и пой как все
если живешь во сне
если хочешь умереть как все*

продавец голубей

*продавцы голубей
это самые грубые люди
это самые нежные птицы
в руках продавцов голубей*

меня выгнала мать из дома
дайте мелочь на хлеб что не жалко
туго перебинтованы кисти обеих рук
кроссовки дырявы ногами сделан
фарфоровый в желтом Китае
его синий спортивный костюм адидас
невысокий холодно и молодой
осенью холодно мне казалось
а теперь мифогенная вывеска
шубы волк лиса козлик

продавцы голубей разошлись
и уборщики вышли на площадь
нищий выпал случайный
я случайно его записал

продавец голубей

надежда

Отчетливый холодный блеск незнакомой звезды
Напоминает мне о тяготах пребывания вдали от родины,
О расстоянии, разделяющем нас,
Об огнях аэропортов и взлетно-посадочных полос.

Жизнь в этом чужом краю порой выстраивается
В столь замысловатые сюжетные линии,
Что некого обвинить в своих неудачах,
Разве что здешний умеренный влажный климат
С его частыми туманами и дождливыми рассветами.

Расстояние, разделившее нас, изменяет перспективу,
И взгляд, обращенный в прошлое, уже не находит в нем
Вещей, некогда так занимавших ум.

Наука терпения и постоянства,
Которую я невольно постиг на чужбине,
Наполняет мое сердце осторожной надеждой
На редкие добрые известия в некоем туманном,
Как эти рассветы, будущем.

Но память зачастую оказывается
Постояннее самого постоянства,
И перед мысленным взором
Оживают заснеженные пространства,
И рисунок морщин, и чуть близорукий взгляд
Столь родных глаз.

Эта звезда, о которой я даже не знаю,
Как звучит ее имя на здешнем варварском языке,

Еще раз заставила мое сердце сжаться от того,
Что я почувствовал, как, в сущности,
Все мы живы *одной* надеждой.

*Светит незнакомая звезда,
Снова мы оторваны от дома,
Снова между нами – города,
Взлетные огни аэродромов.*

Н. Добронравов

по лицу меня били редко

по лицу меня били редко
и всего один раз в подворотне
на центральной улице ленина
в керчи в середине восьмидесятых
зимы были особенно безнадежными
и старшекласники из шпаны
мелочь у нас изымали как феодалы

виталик заметил меня на улице
завел в подворотню врезал по носу
я достал из своих серых брючек
железный рубль с профилем
владимира ильича ленина
выпущенный к столетию со дня рождения
разжал ладонь отдал монету и мог быть свободен

мне было четырнадцать
и я еще на что-то надеялся
занимался в химическом кружке
на станции юных техников
думал буду полезен родине

а родина грянулась оземь
обернулась одутловатым виталиком
я вернул ей украденный у нетрезвой матери
железный рубль с лениным
и пошел восвояси
митридатскими переулками

мухи

в луже пена была
мама раму автомобиль
и осталась пена
я не глядя бросил окурок в лужу
окурок в луже погас
но сперва пошипел немного
рядом с окурком муха
синяя мясная муха
барахтавшаяся в пене
рядом с моим окурком
я сорвал листок бузины
молодой листок бузины
достал утопленницу
уложил на листке на краю лужи
на асфальт на сырую твердь
муха так и не подала признаков жизни
листок бузины уже сорван
и тоже скоро умрет

вчера у моей общаги
с той стороны куда выходят
окна умывальника и туалета
на дорожке в пыли
я увидел тампон он был такой
страшный утопленник гигиены
разбухший от менструальных выделений
облепленный мухами
два десятка мух не меньше
я проходил мимо мухи взлетели
я подумал сразу подумал

мгновенно без размышления
это так уже у бодлера было
было уже так что это еще не конец
нет-нет не конец логоцентризма

ТЕКСТ

бывает пишешь и наблюдаешь
письмо свое как бы со стороны
угри упорно движутся вверх по речушкам
пересекая сырые травянистые низины памяти
в глухих закоулках средней европы
и ты говоришь себе пожалуй этот текст завершен
очнешься от его прочтения вслух
в зале скажем публичной библиотеки
глянешь поверх листа
перед тобою слушатель твой
девочка крашеная шатенка
цветик маковый дура зубные скобки
а угрям пора в саргассово море

общественные осы

«проекты», «издания», «публикации», «интервью»...

мне понравилось ездить к тебе в деревню
вечерним дизелем с северного вокзала
семьдесят пять километров на северо-восток
где сельские жители час сорок пути домой
догоняются водкой и баночным пивом дизель
собираясь наутро в том же составе
в том же вагоне дизеля на опохмел

у тебя вода стоит высоко в колодце
на улице полная тишина в огороде чужие куры
пятна сырости в доме осыпается штукатурка
прошлогодние яблоки на земле гниют у сгоревшей бани
а к стене чердака прислонились рамки с пчелиными
сотами
и они пусты

общественные осы почему-то не заселяют их
общественные осы больше не населяют меня
облетают меня стороной мои соты они пусты

разве что множественные звезды разной величины
на западе ночью над пастбищем после дождя

*общественные осы –
какие-то «публикации», какие-то «интервью»*

ниче совершенство

Ирина рассказывает: время высокой травы
сменяется временем одуванчиков,
лютиков, подорожника, тимофеевки,
клевера и так далее.

Я помню каждую кроличью лапку,
что давали мне в детстве – пушистую и косяную,
с когтями на кончиках пальцев,
тушеный кролик всегда был великолепен.

Армянская девушка – секретарь суда –
левой рукой заполняет протокол моего допроса.

Одна пожилая женщина говорит другой:
после инсульта муж писал все время мимо,
потом поборол свой стыд,
стал присаживаться на унитаз,
теперь с ним немного легче.

Другая женщина
в инвалидной коляске
не говорит ни слова,
на ней футболка с надписью:
nobody's perfect.

сердцевина мая

Для других жильцов уже наступило послеобеденное время.
А я лишь на минуту закрыл книгу Ортеги, заложив ее пальцем,
И, пока я рассматривал тонкие голубые цветы на неподвижной
бежевой шторе,
Внезапно, в один краткий миг, мне открылась человеческая суть.

Человек бесконечно тонок:
Он – мембрана
Между внешним и внутренним.

Небесные тела, облачные новостройки,
Скелеты деревьев, мои кости, сосуды, сердце,
Мозг, душа, память – не внутреннее,
Но человеческое во мне – мембрана,
Бесконечно тонкая мембрана
Между внешним и внутренним,
И они сообщаются посредством меня.

Взволнованный этим открытием,
Я вышел в коридор, выглянул в окно,
Достал сигарету и закурил, наблюдая
Как двое подростков и девочка тринадцати лет
В голубой шелковой рубашке
Перепасовывают друг другу белый волейбольный мяч,
Осторожно отражая его удар внешней стороной своих
кроссовок –

Так слаженно, с таким взаимным вниманием,
Словно именно это и выражает
Высшую из доступных нам форм любви.

И действительно, может случиться так,
Что в жизни им уже не придется испытать большей любви,
Пребыть в более совершенной гармонии,
Чем сейчас, здесь в этом несколько неуклюжем,
Но цельном танце с волейбольным мячом –
Танце, полным соучастия и подлинной взаимности.

И оказалось, что здесь меня поджидало
Окончание моей мысли о человеке:
Все мы – люди – складки,
Причудливые складки,
Одной единственной бесконечно тонкой мембраны
Между внешним и внутренним.

Мы – эта складчатая мембрана – отсутствие промежутка
Между внешним и внутренним.

Между тем сигарета дотлела и погасла.
Этой была моя первая сигарета за день.
Отцвел каштан.
Начинался прохладный дождь.
Две чайки поссорились.
Я побывал в сердцевине мая.

apres la philosophie

в сто первом автобусе в утренней пробке на эстакадном мосту
ввиду кафедрального шпиля с русалкой и яркого солнца
томятся студентки и беззастенчиво громко
на русском своем языке обсуждают мужчин
свои сексуальные практики так сказать

у той высокой блондики полные губы
и низкий чуть хрипловатый голос
и папка с конспектами или может быть курсовой
я читаю первую строчку: apres la philosophie
на обложке с другой стороны: romantisme

сегодня шестое июня
и пусть она будет машенькой
что в переводе на русский значит
apres la philosophie

угорелье

Угорелье
Петр и Меншиков
носятся туда-сюда:
Азов, Нарва, Петербург...

Постепенно на карте
появляется размытое пятно –
это Россия.

Обычно ее обозначают
розовым цветом:

крепленое вино,
речная вода с кровью.

Ирина Максимова
И нет ничего

[...]

бас автобуса – речитативом
скрипично-высокий мороз
дымный воздух
как дымка вечерняя синий
клочками тепло
вырывается из-под ног
люди сжимают пальцы
в зимних ботинках
прижимают тепло
мне тепло
и удобно свернувшись
смотрю за окно
на березы в морозе
на холмы на бегу
на дым из трубы
на далекую
белую даль
на живущую тихо
горизонталь
на большое тепло
мне тепло
и дыхание сна
укутав в рукав
вспоминаю тебя
приближаюсь к тебе
а автобус урчит
и качает
мою колыбель

[...]

моя бабушка
моя крепкая
хрупкая
бабушка
осторожно
ходить
аккуратно
на цыпочках
вслушиваясь
в незнакомые
многоочия
(внучка –
памяти)
бабушкин шкаф
часы
сувениры
осветленные
фотографии
дыхание
крохотно
прикасается
до слез
страшно
уехать
спокойно
как все

[...]

тише, тише
тишина
облака
даль
стеной перед глазами
белым листом бумаги
белый
белый цвет везде
как простынь
как наверху
небо
облако
только близко
только везде
сплошное белое небо

[...]

Маленькое счастье
хрупкое, как котенок.
Каждую секунду
береги его.
Каждую вечность
надевай на него –
станет крепче.
Если только нить
не порвется
в самом незыблемом
месте.

[...]

Я буду жить так четко,
уверенно –
все шаги мои
придутся к нужному времени.
В руках лента
с детских моих волос.
На ней узелки:
лестница,
солнце,
голос,
воздушный шар,
увиденный в марте,
все детеныши в зоопарке
и ребенка мокрая мордочка.
Зажать все в ладонях
до последнего солнца
и прошептать тихонечко:
«Все зависит от горизонта».

[...]

Ты – женщина,
пригодная к тому,
чтобы не есть,
не пить,
не спать,
а лишь творить;
творить дитя,
творить мужчину,
не изменяя
и черты лица
любимого мужчины.
И так –
без отдыха,
и без конца,
и без причины.
Его любовь
не помнит ничего,
но знает,
как уйти,
покинуть
нажитое счастье.
Когда закончится
оно.

[...]

Он покупает ей вещи:
куртку,
чтобы было тепло;
будильник,
чтобы она
не просыпала и
будила их вовремя;
электрический чайник, чтоб
было быстрее и проще.

Она желает ему
спокойной ночи
и приносит тапочки к ванной;
она оставляет ему
открытку с подписью,
когда уходит на полчаса;
она берет у него чашку из рук,
чтобы он
не вставал с дивана.

А ей бы –
чтобы он улыбался.

А ему б –
чтоб она работала.

[...]

я нарисую для тебя уголок
в который
посылают за счастьем

я умею
это
проще простого

берешь угольник
прикладываешь к
своему лицу

и смеешься
в самую серединку
пластмассовой
загогулины

[...]

покажи мне
что у тебя
в ладони

раскрой
пальцы

только тепло
больше
ничего нет

[...]

И куда б ни хотелось тебе убежать –
убежать невозможно
ни в место такое,
где никто не знает тебя и не помнит
и ты существуешь с листа
без своих закорючек ненужных,
ни в место такое,
где ты никого не помнишь,
а значит, не можешь встретить кого-то случайно.
И кто-то кого-то напомним,
и ты окажешься новым, таким же.

Это будет твой выдох
и вдох.

Насколько хватит тебе кислорода,
столько и проживешь сначала.

[...]

когда ты уехал
я
каждый вечер
слушала бетховена
и
танцевала
я
каждый
вечер
танцевала
чудно!

дома
одна
для тебя
я

маленькое такое я
спичечное такое я
славные такие ботиночки

[...]

...и нет ничего слаще его живота,
и нет ничего.

[...]

Время летит, как птица,
которая никогда на землю не садится
и на воду не садится,
и только кажется, будто тень ее
далеко впереди бежит
и по нашим следам идет;
а мы вот где стояли, там и стоим,
и только рты открываем, как рыбы, дышим,
– где оно, папа, море?

[...]

и пока никто не спросит меня:
– зачем ты предаешь,
зачем отдаешь –
...и пока никто не спросит меня
изнутри,
...то есть – если снаружи,
то я скажу: нет,
да что вы!
– да что вы!..

*(и эхо внутри меня
отбивается от суставов
множеством маленьких
каучуковых мячиков.)*

и только
подушечки пальцев стучат по столу.

[...]

И даже если мы с тобой люди,
для которых дорого стоит время,
и даже если мы с тобой – люди,
для которых время само по себе ничтожно,
и ты предлагаешь почту, простую почту
перевести из формата времени в деньги,
чтоб не стоять в дорогостоящей очереди,

то как мы сможем жить стариками,
как мы сможем ждать друг друга из армии
или – не дай бог – из тюрьмы?

И все время хочется, так нестерпимо хочется
исправить что-то неважное.

Есть люди, которые в крайности,
живут на самом краю,
на самом краешке неба.

Разве не ради них –
наше с тобою время.

То есть – мое.

[...]

Мама в детстве не баюкала, не говорила:
не подсказывай ни играющим,
ни стоящим по разные стороны,
ни держащимся за руки у витрины,
разглядывающим что-то желанное;
а так, возможно, я бы поняла раньше,
не пресекла бы, не опрокинула
порхания и твоего мотылька.

[...]

Я снова маленькая.

Такая маленькая, что
меня можно положить в чемодан
и увезти отсюда
далеко-далеко.
Куда – ты даже не сможешь себе представить.

Я зернышко
в грецком орешке хромого мышонка.

Меня не бывает.

[...]

*и сводные свободные братья,
собаки голодные (по отцу).
...и тот меня не окружает,
кто не бил меня по лицу.*

и я никого не помню,
того никого, кто спросит.

мама, что ты принесла?

и раскроет пакет –
треугольник – воздушным змеем –
улетит голубой-голубой.

и я никого не помню.

и руки тянут к земле.

[...]

Я сделаю это,
если надо пройти бесшумно,
потому что пока вы
изучали иностранные языки и танцы
я занималась другими делами
со всякими оборванцами.
Я не была оборванцем,
но научилась тихо передвигаться
на случай войны и прочие
случаи из будущей жизни.
Когда будет солнце.
Когда будет солнце.
Когда солнце взорвется,
никто не узнает об этом.

[...]

Под незнакомым кажутся иные имена,
иной сюжет.

Не так, как мы живем: не то чтобы сполна,
а как бы жили, как бы нет.

Мы не решили: то ли нам решать,
а то ли случай выйдет бестолковый.

...А где-то есть иная благодать?

Не спишь, а вертишься;
не спишь – как спать,
когда и сны не то чтобы суровы,
не то чтобы вполне,
не то чтобы твои.

[...]

Вещи, которые следует помнить, – это лозунги политических партий и предметы домашнего обихода, которые позже – гораздо позже – мы узнаем на фотографиях нашего времени – да-да, такой же, и станем людьми, обладавшими общими фрагментами прошлого с другими людьми.

В этот момент мы узнаем вещи, найдем их место, возможное после смерти, и узнаем их сердцевину.

Возможно, нас некому будет вспомнить, – дай бог, чтобы дали имя.

[...]

Внезапно
Пришла зима – опять без никого;
И имя возвращается обратно,
И кроме остается ничего.

Опять птенец ютится под окном,
Не вовремя зачатый под венец;
Родится сын неправдой, как закон.
Я назову его Мертвец.

А после – остается ни о ком;
Стекляшки, ветки истязают луг,
И яблоня склонилась на излом,
И колокольчик ночью берегут.

И не затем зачатый под венок
Сквозь снег излом летит нагой птенец –

Когда б я смог, как мальчик, наконец,
Сквозь снег к тебе юрок.

[...]

Чувство пустоты приходит внезапно.
Хотя сама пустота
внимательно, шаг за шагом
идет к тебе постепенно.
Ты по-прежнему жив
и даже способен на многое,
на большее, чем когда-то.
Но четкое осознание
и точное чувство того,
что что-то потеряно,
хоть и не самое важное, как оказывается,
пронзает. И иногда – саднит.

[...]

А когда глаза мои умрут
и станут у куклы фарфором
прозвенит колокольчик там
и будет мне светофором
ты будешь слепой котенок
я буду чужой ребенок
и если тебе расти
и если мне не расти
то мне никогда не расти

А когда умрут мои уши
и птицы взлетать перестанут
я от тебя до суши
рукою смогу достать
ты будешь приятный ветер
я буду зеленой хвоей
и если тебе расти
и если мне не расти
то мне никогда не расти

А когда умрут мои пальцы
и я ничего не буду
я сама полечу по небу
над нашим простым законом
ты будешь речной кораблик
я буду совсем спокойной
и если тебе расти
и если мне не расти
то мне никогда не расти

Евгений Паламарчук
Побежалость

[прошлое]

Прошлое – оно как ‘усы’ от катера,
которые не гаснут, а просто расходятся.
Поэтому, оглядываясь, каждый говорит:
– Посмотрите, какое великое прошлое!
и кидает окурки в струю.
А оно не великое, оно – широкое...

[Четыре танкиста и десять собак]

В этом городе жили
Куда семипядней меня
Рожали-любили-ругались
Построже
Не долетели
Я тоже

Девушка в серебристой калоше
Диски литые made in Japan
Жить ей осталось
Второй перекресток под кожу
Не долетела
Я тоже

Сорокалетние сны
Серозубые праздники
Город похож на
Застывшего пса
То ли в прыжке
В агонии ли?
Мы не разные
Ведь хотим когда можем

Долетим ли?
Я тоже.

[Для Камы]

Ты быстрее своей
Прибалтийской внешности
Еще бы
Расти в больших городах
О которых я читал в книгах
Иногда бывая проездом
Там даже
Реклама чаще и цветней
Очень шумят машины
И грустит
Маяковский на гранитном лбу
Не найдя что искал
И забыв кого ждет

Каково там
В сердце огромной страны
Которая не знает меня?

[Для Марго]

история повторяется
глядя на золотую полоску на серой стене
дизайнерская находка
слушаю вполуха скрип песка
под траками «Абрамсов»
а ведь в четырнадцатом году
все было совсем не так
рассуждаю вполголоса
о прелестях алкоголя
количестве объектов
порученных тебе
к облагораживанию
найди их истинные лица
спрятанные во глубине веков
укрытые за
отсутствием денег

шестнадцать журналов
с модными интерьерами
наверное они заменяют тебе
плюшевых медведей

за разговорами тянется время
мы смываем его чаем с наших век
я не пью кофе на ночь
только с утра
что начнется завтра к обеду
этот факт нас сближает
мы выжимаем остатки
вечера лимоном в чашки

стараясь не задеть
планы на будущее
неосторожными локтями

сегодня почти убито
почти забыто потеряно
сливаясь со стенами
освобожденными от бумажной одежды
ты смеешься
это модно
я улыбаюсь
в ответ сухими губами
понимающе

в этой стране
все сапожники без глаз

[...]

Солоноватый на вкус
Этот ветер
С моего балкона
Видно море
Если убрать деревья

[...]

Странно осознавать
Свою свободу
Знать что она
предугадана
Как ни крути
Уж не стать мне
Королевой Англии

[...]

Кругосветные путешествия
Тоже бывают разными
В благодарность
Эйнштейну

[...]

Сонный мир
Не опасен
Не нуждаясь
В спасителях
Иные мысли
Превращаются
И путаются
Когда в темноте
Не видно
Лица
Собеседника

[...]

Не поменять бы
Себя
За миллион долларов
Мелкими купюрами
(Не забыть
потертыми
в желтом
кожаном
кейсе)

И когда
За прошедшие сутки
Это не удалось
Я счастлив
Практически так же
Как мой отец
Приобретший по случаю
Старенький «Форд-Сиерру»

[...]

На улице видел
Черных и белых
Когда ходил
За черно-белым хлебом
Запасаясь на будущее

Черное или белое.

[...]

Время машин
Пришло незаметно
Как неожиданная
Простуда
И ночью
Я вспоминаю
Что неплохо было бы
Прочистить ей клеммы
И выпить свежего масла.

[kino]

Люди,
которые нас окружают,
похожи на русских
из голливудских
фильмов.

Или на финнов –
из русских.

[...]

Весь день попадаются люди со странными лицами
Как будто меня окружают шпионы или милиция
Или как будто я должен кому все-все-все, до тридцатой монеты
Не говори им, где я, и я не скажу, где ты.

[хобби туда-и-обратно]

По пути в Нью-Йорк
Туда, где торт
и где торг
Держал равнение
Ложился на сохранение
В онкологические
диспансеры
Не дающие
шанса веры
От Кронштадта –
до Невского
Голодный и злой
С американской
визой в кармане
Национальный
герой
С зеленой картой
синим лицом
С мечтой никогда
не быть подлецом
Слушал Европейский Союз
Скушал тройку семерку туз
И рассматривая
Линкольна на просвет
Шептал
меня нет

[полная машина времени]

Проспал Атлантический океан
И что-то такое – ни нам, ни вам
Что-то наполовину не мне
Странное, как Пенемюнде в окне
Если всю ночь
Ехал в Вологду.

[...]

Входил
в европейские города
Когда приходили –
Кричал на врага
Занято!

[...]

Если бы
я жил на первом
а ты на восьмом
мы бы пели в октаву.

[...]

Какими детьми
продолжатся
наши игры
в инфанты?

[...]

Буду жить долго –
если хватаюсь за сердце –
там, в нагрудном кармане –
бумажник.

[...]

Я – властелин кольца
Не беда, что грохочет
и без конца
разворачивается под окном
только четверка.

[Никому ничего ни за что никогда]

Никому ничего ни за что никогда
Лето.
Скоро беда.
Самки пахнут самцами –
Изменниками, подлецами –
Дети будут за нас
Но не сейчас, не враз
Синим ли будет небо
Кончится нефть – успеть бы
Недоустан, переехать
Перелистав, не стать эхом
Локти не грызть от скуки
Что-то оставить внукам,
Кто, как и мы, будут нами.
Изменниками.
Подлецами.

[тоска]

Шевелятся зубы и волосы
и всякий охочий желает знать
Какого цвета окажутся полосы
если каждому надо давать
Как пишется в модной literature
затычке в славянской тоске

Если двое на ниточке

Кто же на волоске?

[сигуранца штази святой моосад]

Сигуранца штази святой моосад
Людей из гвоздей не вернуть назад
Не остаться тем же как будто не
Я в другой стене

Я в стране широкой как метр на два
Куда глядят ноги куда голова
На север на юг сапоги в чернозем
Мы уже не идем

Ни искать ни прятаться недосуг
У барона в болоте не хватит рук
Медвежий коготь орлиный глаз
Молитесь за нас

[Deláy все, что хочешь]

Deláy все, что хочешь
Пока «habeas танковый корпус» в силе
Все, что я вижу – это большая Цусима
Или восстание в Польше

Что ни скажи – как о спину пули
Макро- и микро-, местами милли-
И понимаешь – то ли опять надули
То ли – спросить забыли.

[суиZeit]

*

Точили лясы,
Острозаточенным
Вспарывали
Живот

Если боишься
Будет исход
Не боишься –

Еще
Заход.

*

Придет
гарантийный срок

Расход на сто километров
песок ни одной души

Пули
короток
говорок.

[OST]

Ость отца моего во мне
говорит бей в кость
Пересыпается в голове
крепнет и строит мост

От нагрудного знака,
османской гортани
дальше,
к римской плите

Враки.
Если не с нами,
значит, не те.

[...]

Моя страна заставляет меня гордиться
Колебанием электронов
Залитых сукровицей

Что прорастет, даст побеги
И станет кровью –
И снова
Спрячется за границей.

Не прекращающей, впрочем, делить и длиться.

[...]

Пути Господни и опасны и трудны
Тяжело на учениях перед началом войны
На охвостье империи снятся веселые сны

Куда голова
Там и мы

[...]

Пошедший на Тулу
Погибнет от самовара
Кляштор привокзальный
Исписан родным уставом
Согласно которому
Все мы с рождения служим
В последнее время
Хуже

[...]

Люди делают ремонт квартир
Раньше летали в космос
Теперь в сортир

Можно потратить всю жизнь на то
Что нельзя любить
Чем нельзя
Убить

[...]

Город заполнен дорожным вареньем
Как мужчина
Семенем
Машина
Временем

Река пятнами радуги бредит
И исчезает с карты
Страны
исчезающей с карты
Мира
который скоро исчезнет

Тому, кто вместо обеда дышит
Некогда
Выше -
Большое белое поле с рыжей лисицей
Снится

Юлия Тишковская
Постоянный фактор

Постоянный фактор

*

обыкновенный
человек
листает
Книгу Жалоб и Предложений
Богу

Господи
спасибо
за наше
счастливое детство

за то, что
родители
развелись
в моем малолетстве
и не узнали,
как это –
стареть вместе

потому у меня натура поэтическая
система нервная очень тонкая
не лезу в розетки, берегусь электричества
и разбитых термометров

спасибо за тараканов, Господи
они научили меня
бояться одиночества

спасибо, Господи,
за акты террористические
они научили нас

любить этот мир
с болью
привычной,
заляпанный кровью
мир

не понимая
не принимая
любить,
прощая
тех, кого не спасти
тех, кого не нужно прощать
согреть
донести
не дать пропасть

и еще
спасибо тебе, Господи,
за конфету «коровка».

а мне ничего не надо.
лишь бы любили
были живы
и ладно
и только

нам бы – церковные кладбища
зеленые пастбища
да футбол на каждом канале
и без рекламы.
и мы – справимся
и мы – втянемся
и мы
все сделаем
сами

мы сильные, чтоб любить тебя.
мы поставим свечку
повысим пенсию Богородице

вот только, Господи,
ни словечка.

не отвечай нам, Господи,
очень
просим

не отвечай, кто ты там –
Всевышний, Аллах, Будда?

до свидания.

побежал на работу.

будь.

*

выносил бы кто
за меня

мусор
насморк
толпу на кольцевых станциях

а я займусь главным
буду делать это
за всех

*

нам бы, что ли,
образец какой дали.
вот будешь хорошим,
вынесешь все,
не озлобишься –

станешь счастливым и светлым
как Ваня
как Вася
как Коля

но не сразу на небо,
а пожить еще так,
для примера.
чтоб другим неповадно.
объяснять, как не надо.
и Ване
и Васе
и Коле

в наступившем на ногу
в нагрубившей в колбасном отделе
в соседке, бьющей ребенка по пьянке, –
видеть главное.
неугасаемое.
пуленепробиваемое.
как в Ване
как в Васе
как в Коле

нам бы, что ли,
образец какой дали.
но не святого,
а обычного дядю.
хватит
Вани
и Васи
и Коли.
хоть кого-нибудь.
а?

мы-то – верим.
но –
чтобы
знали.

*

Пока ты спишь –
не проспять бы твое дыхание
в других ли
городах,
на одном полу ли.
Нам вернули долги,
чтобы мы
не вернулись.
не смели
начать заново

пускаем
пластинку
по кругу
и ждем
ждем
ждем
обыкновенного чуда
не кровь за вино,
а попроще.
ну что же ты.
попроси его четче.
может, поймет, что нам надо.

Пока ты проснулся –
хвастаю:
твое сердце
постучало нам время
от «будьте счастливы»
до «честь имею»,
и тычемся
от предвкушения до прощания
с непощением
всех неисполненных обещаний.
без истерик,
но с эзотерикой

пускаем
друг друга
по кругу
и ждем
ждем
ждем
обыкновенного чуда.
дня радости.
вечнозеленого снега.
всего на обмен осталось-то
полземли за полнеба
полземли за полнеба
абсолютное равенство
благие бомжи
грязные бизнесмены
земные бомжи
небесные бизнесмены
все мы
все мы
в святой воде по колено
в святой воде по колено
и всем кланяемся
и всем кланяемся
и все кланяются
а на заклатие
все мы
все мы
все мы
все мы

заело

*

(Ленке)

встречать Новый год
в Урюпинске,
на Центральной площади.

на один день приехать
специально.
решили, что там будет стоять Ленин.
и ты тоже туда приедешь.

я ловлю тебя у касс дальнего следования,
на Белорусском вокзале.
ты говоришь: «Ну хватит о смерти,
я и так о ней
все знаю,

да только ты посмотри в интернете –
может, автобусом можно доехать.
на поезд все взяли.

если куда мне и хочется –
это в Урюпинск по снегу.
выпить водки на Главной площади –
и уехать.
ты же меня
понимаешь.

салаты у телевизора
жрешь, и спишь, в общем-то.
другое дело – проехать ночь.
выходишь – все незнакомое.
лица все незнакомые.
ну... кроме Ленина».

Урюпинская Центральная площадь.
все мы там встретимся.
все мы туда приедем.

*

бродячий человек
пришел

пришел
бродячий человек

да я сама
испугалась

когда он
остался

*

задал задачку
ты мне
да тычешь листком
с ответом
вот как должно быть
должно сойтись
ну посмотри

что мне ответы
сизу над первым действием
объяснения не помещаются в скобках

*

давай перейдем,
пока человек
не начал мигать

мигающий человек
недолгая смерть

от электрошока
потери крови
болезни
аварии

это все мигающие человечки.
они предупреждают тебя.
предупреждают.

дескать, вот как бывает

не слушаем,
хотим добежать
успеть
вот
середина дороги

а он уже начал мигать

ГОЛОВЫ

на любую голову
натянется
резиновая шапка.
не намокнет
все, что шатко.

на любую голову
подберется
безразмерная каска.
не сожжется
все, что ясно.

на любую голову
белый бинт
наматаем.
но то, что красно –
все равно проступает.
то, что важно –
опять проступает
из сердца до головы.
от центра до края.
не намокает.

не сгорает.
себя бережет.
рискует – нами.
нашими неприкрытыми головами

*

гадание по Библии

любит
любит
любит

столы и стулья

В наши комнаты,
где стоят столы и стулья,
мы однажды приводим
кого-то еще,
чтобы кто-то был
и видел эти столы и стулья
так же, как мы.
чтобы мы могли сказать ему:
смотри –
вот столы и стулья,
вот стулья и столы.
и он ответит: «ага».
И как будто так будет
всегда:
столы,
стулья
и кто-то еще.

Мы однажды приходим в наши комнаты,
где стоят столы и стулья,
а кого-то еще
нет.

и вот уже нет столов и стульев,
потому что нам некому сказать:
смотри –
вот столы и стулья,
вот стулья и столы.
и нас нет,
если кто-то еще не скажет про нас,
что мы – вот
и не ответит «ага»
в пустых комнатах.

*

блаженны нищие
дух
ами французскими
быстросохнущим лаком
блестящим
билетами в Кремлевский дворец
цветами на черных машинах-таксах

а также
друзьями,
всегда звонящими вовремя
детьми улыбающимися,
пьющими кефир без сахара
блокадными бабушкой с дедушкой,
совершившими путешествие
из Ленинграда в Москву
любовниками тихими,
молчащими

а также
честностью,
несмотря ни на что выходящую
исполненностью спокойствия
на лице и в сердце

и верой в таблицу умножения
блаженны нищие

блаженны нищие
всем,
что есть
ибо их царство.
на небесах
на все будет
стопроцентная скидка.

*

счастливы не те,
кто знает,
как надо,
ибо об этом никто не знает.
а те, кто ступает
по поверхности
вращающейся в пустоте планеты,
и улетает, не слетая.

они идут
как ни в чем не бывало,
оставляя теплые следы.
в счастье своем
никуда не приходят.

им никуда не надо.

*

а ты иди туда,
куда все люди идут,
и храни
внутри

смерти суть,
как градусник – ртуть.
и тогда они не умрут

а ты в ладоши хлопай,
чтобы услышать себя,
а добившись искры,
остается только сиять.
и тогда они – навсегда

а ты иди через лес,
иди через боль
напрямик,
освещая всем путь,
сделай фонарь из тьмы.
и тогда они – это мы

*

если ношу взял
не по силам,
и уже невозможно
не выронить –
ты в последний раз
отдохни –
и неси ее
и неси ее

*

на руке появляется новая линия.
мы – пионеры
второго захода.
боги заменимы.
люди незаменимы.
поэтому нас и много.

цель попадает мимо,
но ты обнимешь –
и в фокус сразу оба попадем.
мы будем в нем ходить –
два рукава пустые.
благослови от гриппа,
чтоб прослыли
мы хитрыми
отдельно,
а вдвоем –
обманчиво живыми.
разлегшийся на куче оправданий
ни в чем ничуть
замешан не бывает.
и утонуть в сметане,
и наскочить на грабли,
остаться самым правым,
встав с левой половины

такими мы и были –
нелепы и
безумны.
все линии с руки
сошлись в одну кривую
указывать на правду.
и нам
заменят мир,
как доллар с рваным краем,
когда мы встанем рано
и сунем паспорт

*

когда чего-то нет,
то значит слишком много,
когда же кто-то рядом,
у локтя

срывает этикетки от бутылок, –
ты понимаешь,
что уже простились
в порту,
на остановке,
на вокзале;
уехали,
не помнили,
не знали,
с каких бутылок,
до каких широт,
и с кем
и где
и как
он проживет
остаток дней.
прими от сих щедрот
да сколько унесешь.

а что осталось –
в землю закопай,
и он взойдет,
твой персональный рай.
твой персональный грех
прикажет долго жить,
и ты опять ночуешь в нем,
а жизнь –
как замороженная стройка за углом,
где не хватает средств и сил.
а персональный ад
воскреснет и пробьет
асфальт, и чертенята –
в хоровод.
долг красен векселем,
душа поет,
а тело потанцует и уйдет,
с бутылок этикетки соберет,

обклеет лоб
и локоть разобьет,
пройдет по саду,
души подберет

да сколько унесет

*

скажешь красиво –
а получается – ни о чем.
скажешь о настоящем –
словно толченный кирпич
в связки проник.
нам шершаво и горячо.
мы улыбаемся
только когда
молчим.

*

цыплята по осени считали
свои попытки остаться в чьей-нибудь памяти
и не заблудиться там.
свои попытки когда-нибудь превратиться
в большую и полезную птицу.
хотя бы нести
яйца.
трудиться,
не покладая крыльев,
не вырастая в унылого обывальца,
под чувством вины
сохранять невинность.

цыплята расплачивались
городами,

какими-то странами
с неизвестными марками,
профессиями,
постелями,
и
не знали –
где же она –
граница попадания из холода в жар.

цыплята по осени считали –
не досчитались самого младшего,
искавшего одуванчик
в стоге сена.
теперь, господь,
когда его нет, –
самое время исполнить свое обещание:
сделай море
вровень с его коленом

чтоб
маленькие мы
вылуплялись, любили и
уплывали
как легкие парусники
в пасть неба.

*

встань справа
меня
встань слева
меня
впереди
сзади
меня

от перестановки мест
меняется точка зрения

не меняется
сумма

*

даже если узнаешь
будет ли
дальше лучше
будет ли
дальше хуже
будет ли
дальше

будешь
смеяться
смеяться

тогда тебе
поверят
в любом случае

Это может произойти с кем угодно

А.В., Е.Б.

*

это может произойти с кем угодно

*

в группе детского сада есть мальчик с аутизмом. Как уж так получилось, что он среди обычных детей – неизвестно. Наверное, в лечебных целях. Воспитательница знает, старается лишний раз не задеть его, не прикоснуться – понимает, что ему это – невыносимо. Но все равно иногда забудет, то приобнимет, то поможет одеться. Он сразу отшатывается, глаза чужие-чужие. Как током ударило. Через какое-то время подходит и тихо-тихо так говорит:

– если хотите, можете постоять со мной рядом

вот и мы, вроде бы здоровые – всю жизнь

разрешаем или не разрешаем стоять

*

я очень хочу, чтоб ты срочно приехала, пока у меня никого нет, исключительно поздно вечером, исклю-

чительно после душа, горячая вода есть, есть, ты не бойся, полотенец у меня несколько, одноцветные, без цветочков, все как ты любишь, не знаю наверняка, но могу догадаться, знаешь, вот многие думают-думают себе, а я всегда знаю, так тоже бывает, и так – тоже, и вообще бывает по-всякому, а то кино, которое ты взять хотела – так я тебе не советую, ничего особенного, ну плакать будешь, не без того, нет, лучше не надо, я тебе говорю, ну послушай меня хотя бы один раз, один раз, больше не надо, ну не слушай, ну как хочешь

я покажу тебе дом в Столярном переулке

*

– почему ты смотришь порнофильмы?
– исключительно из этических соображений.

там все
друг друга
любят

*

ходящий по вагонам за милостыней заставляет меня опускать глаза, вспоминать. Но я не плачу. Слезы начинают собираться где-то внутри, когда я вижу дурацкую рекламу пива – там красненький и желтенький человечки, закрыв лица руками, спрашивают всех нас: «Как они могли ТАК с нами поступить?» На них летит большое самооткрывающееся зеленое пиво, а внизу слова, от которых я не могу оторваться:

ОТКРЫВАШКИ ТЕПЕРЬ НИКОМУ НЕ НУЖНЫ

но это – неправда.

*

солнце, солнце, на дереве – скотчем приклеен прямо к телу деревянному листок бумаги. Не прошла мимо, прочитала по памяти: «Ищу подругу, чтоб поговорить. Мне очень одиноко. Мне сорок лет». И номер телефона, остался один, что ли. Вот и проходишь мимо солнца

*

странное сочетание «обратный человек» возникло само собой, совершенно естественно вчера в разговоре, и пока я прижимала трубку ухом, а другой рукой мыла посуду, поняла, что обратный – это вовсе не человек наизнанку. Это совсем другое, уходящее туда, где нас нет и нет человеческого, только спокойный голубой цвет медитации, вглубь, вглубь за рудой смысла, за алмазами смысла, которые легко разрежут стеклянные полушария мозга – чувство вины и любовь, правая половинка больше

*

«я хочу, чтоб у меня были веселые похороны», – говорит сквозь снег

по обыкновению, снилась старая питерская квартира. В нее залетела шаровая молния, но на самом деле она была в виде горящей полоски, прошла по занавескам, потом повисла в воздухе, потом возник дедушка Витя, прогнал ее, а она – ко мне, врежется в мягкое. Не больно, только чувствуешь, что теряешь сознание, вот-вот потеряешь, а при этом продолжаешь думать. Ты думаешь, а оно не возвращается

– какие облака, ты только посмотри, какие облака!
– эти облака вылетают из вон той большой трубы,
– улыбается

идем дальше

*

такое чудо – воробей летит вдоль решетки и пролетает
сквозь прутья на ту сторону, потом на эту, на ту, на эту.
Это – такая игра, и он выигрывает, а я поддаюсь

через себя не переступаешь, растешь, и больше ни
слова о боли, даже когда эти подобия слов чем-то
оправданы – чем? – твоим эгоизмом? – ну уж нет

только любовь, любовь

подоткнуть одеяло, не сорвавшись в свой мир
потому что в нем только я, а где же ты

а я – с тобой

*

а еще я вчера думала – ведь были же промокашки,
розовые такие, даже когда чернилами уже не писа-
ли. А их все равно выпускали и вкладывали в тетра-
ди – по инерции. Мама говорит – такие технологии.
Вот так и на работу ходишь, и живешь. Просто когда-
то тебя выпустили, а технология уже устарела

*

и ведь каждую секунду кто угодно может спросить.
И скажешь – да, так и есть. Или – да, это правда.

Или просто ничего не скажешь, будешь молчать, молчать, разглядывать тапочки, но все почему-то станет понятным сразу. Хотя это и так – понятно. Но людям почему-то всегда нужны подтверждения. Все, к чему прикоснешься – холодное. Так и ходишь, и берешь что-нибудь в руки или случайно задеваешь – холодное, холодное. Но каждый твой жест и движение заставляют работать какую-то внутреннюю маленькую машинку по выработке тепла, уж не знаю, где она помещается, когда внутри тесно, а снаружи – холодно. Глядишь – и отлегло, оттаяло. Все время смотрю, как ты улыбаешься и ты улыбаешься
все
время

*

иногда на определенном этапе жизни совсем не лишним оказывается понять, что человек ты неинтересный, а попросту говоря – скучный ты человек. Но и здесь, как и везде, не без пользы: смотришь на мир широко раскрытыми глазами – глядишь, и залетит в них что-нибудь, осядет на дне. Значит, и ты миру нужен, пригоден на что-нибудь, и эта самая обыкновенность порой потяжелее кажется талантливости и исключительности. Наверно, упаковали неудобно или руки слабы. А думать об этом – споткнешься или вовсе собьешься с дороги

*

просто знать, что кого-то нет, – подобно взгляду на падающую каплю, она летит, она сорвется, но она не падает, не падает, не падает. Не упадет. Она падающая. Ее нет ни там, ни здесь. Она между.
так же и знать, что чего-то нет.

Просто знать, что чего-то нет.
оно – между.
знай

*

в цирке на Вернадского есть такой номер – вроде как воздушные канатоходцы. Ходят они по канату в специальной обуви, мужчины и девушки. Носят друг друга под музыку. Канат натянут между двух площадок, висящих в воздухе. Через какое-то время одна площадка поднимается вверх, образуется угол градусов 50. И по канату вверх на ту площадку пытается идти мужчина, скользит, съезжает, но идет, идет. Каждый шагом вверх – и вниз, получается что-то вроде вечного двигателя без коэффициента действия. Мы все так же топчемся или скользим, шаг вперед, шаг назад, результат – налицо. Потом он почти дошел, ну каких-нибудь три шажочка, и... вниз. Приехал туда, откуда шел. И вот когда я уже почти устала от жалости к человечеству – повернулся спиной и легко зашагал, без съезжаний, задом. Вроде как – способ пройти всегда есть, вопрос – как это так извернуться надо, чтоб не упасть

*

смерть – это когда целое становится частью всего, это растворение: так теплая вода съедает кристаллики порошка

*

Думаем – а что нам за это будет? Ведь знаем, знаем. Что сделаешь – то и будет. Или что не сделаешь. Дуешь на пальцы ритмично – выходит свист. О несде-

ланном. Но скажу хотя бы: грустите светло. Или – головой о стену, чтоб совсем. Или тихо и светло. Две стороны ладони, в которую дуешь, чтобы согреться. Снаружи всегда холоднее, чем внутри.

*

три цвета

маленькой мечталось о синих-синих розах, которых не бывает и не было, если только не взять белые и не поставить в воду с чернилами – по слухам, они становятся голубыми, но не синими же. А тут приезжаешь к морю – на стене синяя роза человеческого роста. Считаю – одной мечтой меньше, она здесь никому не нужна, только для меня

совсем черный красивый негр из Швейцарии в трусах «Ямайка» занимается женской гимнастикой, у него есть белая подружка, подружка смотрит недоверчиво даже на пожилых немки рядом с ним, поочередно поднимающих ноги, потом отворачивается и плачет. После занятия он приносит ей пиво, они долго молчат

а надо всем, конечно, голубой – Олькины летние глаза и небо, выше всех. Мы беззащитны, когда у кого-то поднимается температура, когда кому-то больно из-за нас. Тонны воздуха падают нам на плечи, небо опускается и, как всегда, становится ближе. Гляди-ка, от солнца оторвался кусок и ударил нас по голове. С тех пор мы беззащитны, беззащитны, не смотрите на нас

*

и все бы ничего, просто в один прекрасный день вместо открывающей и закрывающей скобок ставишь две открывающие

*

так и будет – случайно протянешь руку, выгнешься телом – коснешься меня. Не думаешь, не вспоминаешь, кто это может быть этой ночью – знаешь. Проснешься потом, встанешь попить, дойдешь до кухни – как полет на Луну зимой, в желтый холод. Нальешь воды – и вдруг так испугаешься, что рука протянута, а меня – нет, только темно-желтый холод, и вода выливается на пол, летишь с Луны обратно под одеяло, и страшно, страшно, если я вдруг отвернусь к стене, нет же, все будет, как картинка в кино, как Таинственное Дело – не спится главному герою, поднимается он с постели, глянет напоследок – жена спит себе как ни в чем не бывало, на цыпочках встает и уходит, спокойный. Что все будет идти как он себе видит. А камера крупным планом – ее открытые глаза. Это наше Таинственное Дело, на Луну не летаем, руки протягиваем, не спим, не спим

*

в трамвае молодая женщина – поет. Слышится: а мы вернемся, все вернемся в эту чудесную страну, – церковным высоким голосом. Другая – сидит, громко шепчет знакомой: ничего люди уже не боятся, вот поют, не стесняются, ну как американцы эти, это еще ладно, а вот видела раз человека – идет и сам себе улыбается, это при нашей-то жизни. Ишь какой, ушел себе в свой мир – и хорошо ему. Сразу понимаю – ненормальный. Псих, одним словом. Издалека таких вижу

выходим у метро
улыбаемся
с той, что пела

ушли себе

*

есть такая старая компьютерная игрушка – троник. Скачет маленький желтый шарик. Надо, чтоб он не упал, если упадет – умирает. И он всяческие преграды разрушает из кирпичиков разных цветов. За кирпичики начисляются очки. Из них иногда сыпятся такие подарки – желтые монетки, их надо собирать. И сыпятся плохие монетки – красные; если их съесть, что-то будет плохо – или дощечка, от которой отталкиваешься, уменьшится, или очки сгорят, или даже нельзя двигаться, как будто связали мгновенно. Иногда съедаешь зеленую – и попадаешь на уровень ниже или выше – это уж как повезет. С каждым следующим уровнем, понятное дело, шарик быстрее бежит и словить его все труднее. Зато и монеток больше

в общем, такая пародия на жизнь, что и играть стараешься как можно лучше, как будто это может хоть чем-нибудь помочь

независимо от того, что там падает на нас с неба

*

в метро неожиданно прямо под ноги – обрывок газеты, вынесен прямо к нам воздушным потоком, подземным ветром, маленький такой и грязный весь, избитый ногами. На нем крупно – всего два слова

ДОСТОЙНАЯ ЖИЗНЬ

ну да, под ногами в метро.
все еще не кончилось. Через пару шагов – другой обрывок. Смотрим выжидательно – повторится ли? Та-

кое и вправду бывает – на нем тоже только заголовок, буквами чуть поменьше первообрывочного. Четыре слова.

БЕЗ ПРАВА НА ЖИЗНЬ

пошли дальше

*

закон бомжа

знаешь, говорит, закон бомжа? Когда начинаешь обижаться и думать только о себе, – а обида и есть думание о себе, – представь бомжа у помойки. Вот о ком нужно думать – почему так вышло. Тогда все проблемы крошечными покажутся. Если, конечно, ясно представить себе бомжа этого. Ну так с воображением у тебя всегда все было в порядке

вот он, уже почти его вижу. Роемся себе в помойке. И вот ведь что – довольный. Вид довольный у него. Довольный жизнью. Ну, улыбайся. Давай улыбайся. У меня же богатое воображение

а пока ты улыбаешься, я смогу обижаться и плакать

*

просто, когда есть добро и зло в чистом виде – ну как в Гарри Поттере, что ли. Тогда понятно, с чем надо бороться и что делать. Все просто и ясно. А когда нет ни добра, ни зла, границы стерты, и не существует правильных или неправильных поступков – вот тогда трудно. Попробуй поживи. Ты не плохой и не хороший, ты вот такой какой-то, балансируешь на грани, периодически проваливаясь то туда, то сюда, и никто

тебе не поможет, ты в абсолютном одиночестве, потому что поступки только твои, и отвечаешь за них только ты, и опять же – они не будут ни хорошими, ни плохими, хорошими – чтоб ты мог ими гордиться, плохими – чтоб ты мог раскаяться и обрести покой; нет, они всегда будут просто поступками в зависимости от, и нет тебе успокоения, и никогда не будет

*

поняла, что для меня еще входит в самое важное:
не ударить идущего следом за мной
дверью входа в метро

РЦЫ: ВНУТРИ

Павел Настин. Peter und volk // Петя и волк

где польша	5
77	7
сладкий виноград без косточек	8
самолеты	9
слова	10
карболка	11
тоже своего рода стихи о русской поэзии	12
красный канал	13
продавец голубей	14
надежда	15
по лицу меня били редко	17
мухи	18
текст	20
общественные осы	21
ничье совершенство	22
сердцевина мая	23
apres la philosophie	25
угорелые	26

Ирина Максимова. И нет ничего

[...] (бас автобуса – речитативом...)	29
[...] (моя бабушка...)	30
[...] (тише, тише...)	31
[...] (Маленькое счастье...)	32
[...] (Я буду жить так четко...)	33
[...] (Ты – женщина...)	34
[...] (Он покупает ей вещи...)	35
[...] (я нарисую для тебя уголок...)	36
[...] (покажи мне...)	37
[...] (И куда б ни хотелось тебе убежать...)	38
[...] (когда ты уехал...)	39
[...] (...и нет ничего слаще его живота...)	40
[...] (Время летит, как птица...)	41

[...] (и пока никто не спросит меня...)	42
[...] (И даже если мы с тобой люди...)	43
[...] (Мама в детстве не баюкала...)	44
[...] (Я снова маленькая...)	45
[...] (и сводные свободные братья...)	46
[...] (Я сделаю это...)	47
[...] (Под незнакомым кажутся иные имена...)	48
[...] (Вещи, которые следует помнить...)	49
[...] (Внезапно // Пришла зима...)	50
[...] (Чувство пустоты...)	51
[...] (А когда глаза мои умрут...)	52

Евгений Паламарчук. Побегалость

[прошное]	55
[Четыре танкиста и десять собак]	56
[Для Камы]	57
[Для Марго]	58
[...] (Солоноватый на вкус...)	60
[...] (Странно осознавать...)	61
[...] (Кругосветные путешествия...)	62
[...] (Сонный мир...)	63
[...] (Не поменять бы...)	64
[...] (На улице видел...)	65
[...] (Время машин...)	66
[kino]	67
[...] (Весь день попадают люди...)	68
[хобби туда-и-обратно]	69
[полная машина времени]	70
[...] (Входил в европейские города...)	71
[...] (Если бы...)	72
[...] (Какими детьми...)	73
[...] (Буду жить долго...)	74
[...] (Я – властелин кольца...)	75
[Никому ничего ни за что никогда]	76
[тоска]	77
[сигуранца штази святой моццад]	78

[Deláy все, что хочешь].....	79
[суиZeit].....	80
[OST].....	81
[...] (Моя страна заставляет меня гордиться...)	82
[...] (Пути Господни и опасны и трудны...)	83
[...] (Пошедший на Тулу...)	84
[...] (Люди делают ремонт квартир...)	85
[...] (Город заполнен дорожным вареньем...)	86

Юлия Тишковская. Постоянный фактор

Постоянный фактор.....	89
Это может произойти с кем угодно.....	107